

DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-4-840-852

EDN: KLIVVQ

Научная статья / Research article

Социально-политические размежевания в российском обществе: восприятие молодежи

Д.Н. Шлыкова

Российский университет дружбы народов, Москва,
Российская Федерация

✉ shlykova-dn@rudn.ru

Аннотация. Современное российское общество характеризуется сложной и динамичной социально-политической структурой, отражающейся в многообразии взглядов и ценностных ориентаций. Особое значение в понимании этих процессов приобретает изучение молодежи — поколения, формирующего будущее страны и активно участвующего в общественной жизни. Исследование посвящено анализу социально-политических размежеваний в российском обществе, сфокусированному на восприятии этих процессов молодежью, и опирается на теорию социально-политических размежеваний (cleavage theory). Автор выделяет три ключевых разделения в российском обществе, которые могут усиливаться со временем: «сверхбогатые / остальные», «мегаполис / город / деревня» и «Москва / не Москва». Наличие этих разделений было подтверждено фокус-групповыми исследованиями и массовым опросом среди студентов. Эмпирические исследования показали большую остроту этих размежеваний по сравнению с другими потенциальными линиями конфликтов. Процесс самоидентификации внутри этих разделений продолжается, а потенциал для политической мобилизации оценивается как высокий.

Ключевые слова: социально-политические размежевания, кливажи, поляризация, социальное неравенство, социальная справедливость

Благодарности. Исследование выполнено при поддержке Минобрнауки РФ и ЭИСИ, проект FSSF-2024-0060 «Идентичность как ресурс преодоления размежеваний в России: от сохранения ценностного ядра к вариантам ценностного консенсуса».

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Шлыкова Д.Н. Социально-политические размежевания в российском обществе: восприятие молодежи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 4. С. 840–852. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-4-840-852>

© Шлыкова Д.Н., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Socio-Political Divisions in Russian Society: The Perspective of Young People

Daria N. Shlykova

RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉ shlykova-dn@rudn.ru

Abstract. Modern Russian society is characterized by a complex and dynamic socio-political structure, reflected in the diversity of views and value orientations. Of particular importance in understanding these processes is the study of youth — the generation shaping the future of the country and actively participating in public life. This article is devoted to the analysis of socio-political divisions in Russian society, focused on the perception of these processes by young people. The study is based on the theory of socio-political divisions (cleavage theory) and identifies three key divisions in Russian society that may intensify over time: “the super-rich / the rest”, “megapolis / city / village” and “Moscow / not Moscow”. These divisions were confirmed by focus groups and a mass survey among students, which showed their severity compared to other potential lines of conflict. The process of self-identification within these divisions continues, and the potential for political mobilization is assessed as high.

Keywords: socio-political divisions, socio-political gaps, socio-political cleavages, polarization, social inequality, social justice

Acknowledgements. The research was carried out with the support of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation and the EISI, project FSSF-2024-0060 «Identity as a resource for overcoming cleavages in Russia: from preserving the core of values to options for value consensus».

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Shlykova, D.N. (2024). Socio-political divisions in Russian society: The perspective of young people. *RUDN Journal of Political Science*, 26(4), 840–852. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-4-840-852>

Введение

Изучение размежеваний в современном российском обществе помогает понять его динамику и выявить причины социальных конфликтов для их возможного разрешения. Теория социально-политических размежеваний берет свое начало в классической работе М. Липсета и С. Роккана [Lipset, Rokkan 1967]. Центральным является тезис о формировании глубинных социально-политических кливажей (cleavage) в западных обществах в процессе перехода к обществу Модерна, на основании которых сформировался и зафиксировался политико-партийный ландшафт. Ключевыми признаками кливажа являются:

- 1) долговременность;
- 2) конфликтность;
- 3) представительство соревнующимися политическими организациями.

Среди ключевых ограничений теории социально-политических размежеваний в изначальном ее виде обозначают:

1. Ориентированность на западное общество и исторические события, сформировавшие европейскую цивилизацию (Реформация, Индустриальная революция и т.д.). Так, экстраполяция теории на другие регионы и исторические контексты часто встречает трудности.
2. Редукция спектра агентов политического конфликта до политических партий — теория уделяет недостаточно внимания роли политических элит и неклассических политических акторов, в том числе транснациональных.
3. Теория описывает размежевания как относительно стабильные и долгосрочные. Однако современный мир характеризуется быстрыми изменениями, появлением новых социальных движений и переопределением старых идентичностей.

При этом следует отметить, что с момента написания классического труда М. Липсетом и С. Рокканом развитие теории социально-политических размежеваний в основном шло по двум направлениям: расширение географического охвата исследуемых случаев и анализ трансформации самих размежеваний. Первое направление сосредоточилось на применении теории к постсоциалистическим странам, где, с учетом специфики политической системы этих государств, она в некоторой степени показала свою применимость [Römmele 1999]. Второе направление исследовало влияние постмодерна на трансформацию существующих размежеваний и формирование новых [Seiler 2009]. Долговременный характер размежеваний, выделенных М. Липсетом и С. Рокканом, позволил также успешно применять теорию для анализа кризиса европейской интеграции [Marks, Attewell, Rovny, Hooghe 2021].

Группа исследователей под руководством И.С. Семененко определила ключевые понятия теории (размежевание, кливаж, раскол и т.д.) и их актуальное к настоящему моменту картирование [Семененко, Лапкин, Пантин 2021, 2023, Пантин 2021]. М.В. Ильин, в свою очередь, делает полную ревизию проблемы. Особую роль в своих публикациях по тематике размежеваний он отводит вопросам темпоральной логики классической теории и возможности ее сохранения с необходимой методологической осторожностью¹ [Ильин, Остапенко 2024].

Размежевания или кливажи?

Рассматриваемая нами теория все еще является методологическим вызовом для отечественной науки, но за десятилетия развития научной дискуссии мы можем определить ключевые точки опоры, которые позволяют нам обратиться к данной теории для анализа социально-политической ситуации уже сейчас, определить ключевые вызовы для российского общества и возможности для развития.

Так, мы можем выделить две ключевые оси рассмотрения линий социального конфликта здесь и сейчас — это глубина (что соотносимо с темпоральным измерением) и острота (в том числе включает в себя процесс идентификации

¹ Ильин М.В. Роккановский момент. URL: <https://present5.com/rokkanovskij-moment-ilinmixail-vasilevich-mikhaililyhn-48-gmail-com/> (дата обращения: 05.11.2023).

конкурирующих групп и формирование политического представительства). В крайнем проявлении глубины и остроты размежевания мы предлагаем определять социальный конфликт как кливаж, в иных случаях обозначать как социально-политическое размежевание. Кроме того, в рамках данного исследования мы будем избегать всей сложной совокупности родственных понятий — поляризации, разрывы и т.д. Следует отметить, что рассматриваемые нами линии конфликтности мы все-таки не спешим называть кливажами и маркировать ими социально-политический ландшафт российского общества, но углубление и продолжение процесса самоидентификации внутри групп свидетельствует в том числе о процессе закрепления этих линий разделения в социально-политический кливаж.

Актуальные размежевания в российском обществе

В рамках исследования 2023 г. на основании фокус-групповых исследований, массового опроса и экспертных интервью нами были определены [Шлыкова 2023] наиболее чувствительные линии конфликтности в российском обществе, а именно «центр / регионы», «мегаполис / провинция» и «сверхбогатые / остальные». Однако все еще крайне актуально уточнение данных размежеваний, более четкое определение их социоэкономических и социокультурных оснований, характер идентификации противостоящих групп и перспективы политического представительства, так же как и их рассмотрение в логике восприятия глубины и остроты размежевания, для определения их места в социально-политической структуре и динамики российского общества. Так, перед нами стоит задача не только уточнения, но и проверки предшествующих результатов.

В 2024 г. в рамках фокус-групповых исследований и массового опроса нами были предложены респондентам уточняющие вопросы относительно их восприятия конфликтности в российском обществе сегодня. Стояла задача уточнения роли социально-экономического разделения и размежеваний в области «сверхбогатые / остальные» и «элита / остальные», размежевание «центр / регионы» нами было уточнено до «Москва / не Москва» в связи со сложившимся дискурсом о «москвичах» и остальных. Размежевание «мегаполис / провинция» также предлагается расширить до трех элементов, включив все-таки отличную от первых двух деревенскую среду. Учитывая потенциальную конфликтность размежевания «Москва / не Москва», в данном случае следует быть аккуратнее с разграничением. Мы предлагаем рассматривать размежевание «Москва / не Москва» в центр-периферийной логике, а «мегаполис / провинция / деревня» через конфликтность наложения укладов, выражающихся в урбанистических процессах.

Описание методики проведения фокус-групп и массового опроса

Были проведены фокус-групповые исследования (полуформализованное, фокусированное интервью, метод «прямой воронки») среди студентов Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы в рамках проекта

ЭИСИ-Минобрнауки FSSF-2024-0060 «Идентичность как ресурс преодоления размежеваний в России: от сохранения ценностного ядра к вариантам ценностного консенсуса» (научный руководитель — профессор, доктор философских наук Юрий Михайлович Почта) в сентябре — октябре 2024 г. Исследование проходило на основании двух гайдов — первый ориентирован на студентов-слушателей курса «Основы российской государственности» профильного (социальногуманитарного) и непрофильного (естественно-научного) направлений; второй — на студентов старших курсов бакалавриата и магистратуры профильного (социально-гуманитарного) направления. Среди целей и задач исследования в том числе проверка исходных гипотез о ключевых противоречиях в российском обществе («Москва / не Москва», «сверхбогатые / остальные», «мегаполис / город / деревня»). Предмет исследования — восприятие состояния конфликтности и размежеванности современного российского общества в условиях урбанизации, повышения запроса на справедливость, и оценка оснований для преодоления противоречий.

Последовавший далее массовый опрос был ориентирован на студентов столичных и региональных университетов. Было получено 1696 ответов, около 80 % респондентов проживают не в Москве и более 62 % не в столичных регионах (Москва и Санкт-Петербург). Относительно рассматриваемой нами проблематики им были заданы следующие вопросы с вариативными ответами:

- 1) *«сверхбогатые / остальные»*: «Как Вы считаете, есть ли обязательства у сверхбогатых россиян по отношению ко всем остальным гражданам России?» (скорее нет / скорее есть / затрудняюсь ответить); «Что, на Ваш взгляд, сегодня объединяет сверхбогатых и всех остальных россиян? (до 3 вариантов ответов)»;
- 2) *«Москва / не Москва»*: «Многие говорят, что было бы справедливо, если бы „ресурсы не выкачивались в Москву, а оставались в регионах“. Вы согласны с данным утверждением?» (скорее согласен / скорее не согласен / затрудняюсь ответить); «Что, на Ваш взгляд, мешает улучшению взаимопонимания между Москвой и регионами? (до 3 вариантов ответов)»; «Что, на Ваш взгляд, объединяет москвичей и остальных россиян? (до 3 вариантов ответов)»; «Как Вы думаете, чему житель большого города может поучиться у жителя провинции? (до 3 вариантов ответов)»; «Как Вы думаете, чему житель провинции может поучиться у жителя мегаполиса? (до 3 вариантов ответов)»;
- 3) *«элита / остальные»*: «Согласны ли Вы с утверждением, что элитой в России являются самые достойные люди?» (Да, совершенно согласен / Да, скорее согласен / Нет, скорее не согласен / Нет, совершенно не согласен / Затрудняюсь ответить).

«Свой / чужой»

Как было отмечено нами ранее [Шлыкова 2023], в том числе на основании выводов других исследователей [Семененко 2021, динамическое развитие структуры социально-политических размежеваний ведет к реактуализации ранних

и даже архаичных линий конфликтности. Таким архаичным разделением является «свой / чужой». Так, в рамках исследования 2023 г. на основании фокус-групповых исследований и экспертных интервью одной из форм реактуализации данного разделения нами было предложено обострение миграционного вопроса. В рамках текущего исследования лишь в одной из трех проведенных фокус-групп «национальный конфликт» был самостоятельно предложен респондентами как острый и глубокий. Отсюда мы делаем предположение, что определенная реактуализация действительно произошла, но конфликтность носит локальный характер, актуальна она не для всего общества и совсем не приоритетна для молодежи как социальной страты.

Так, на данный момент перед нами стояла задача определения более точных маркеров разграничения «свой / чужой». Студентам было предложено оценить по шкале от «0» до «10», где «0» — совсем не важно, «10» — самое важное, признаки, на которые они ориентируются при определении нового человека в своей среде как «своего» или «чужого».

Примечательно, что такие критерии, как национальность, вера (религиозная принадлежность) и регион проживания, были отмечены респондентами как имеющие нулевую важность при определении «свой/чужой». Отсюда мы можем сделать предположение о высоком уровне терпимости и открытости по отношению к представителям другого этноса, конфессии или установки на открытость, а также отсутствие первичной маркировки по региональному признаку.

Критерий профессиональной принадлежности был отмечен как умеренно важный. Стоит упомянуть, что профессиональная идентификация является одной из наиболее устойчивых в российском обществе [Козырева, Смирнов 2021].

Наивысшая оценка — «10», самое важное, дана признаку «по темам разговора». Респонденты при этом также отмечали трудность однозначной оценки незнакомца исключительно по внешним признакам: *«В целом, по поведению видно. Условно, если есть что-то, что ты не приемлешь. <...> Какое-то поведение, зависимости».*

Таким образом, молодежь формирует отношение к новым знакомым на основе оценки поведенческих паттернов и схожести ценностных ориентаций. Это, с одной стороны, свидетельствует о высокой роли эмпатии в социальных взаимодействиях и о плюралистическом восприятии окружения, а с другой стороны, демонстрирует атомизацию российского общества, готовность к открытому взаимодействию только с ближайшим малым кругом, а также сложность самоидентификации себя с большими общностями.

Глубина и острота восприятия разделений

Одной из опрашиваемых групп было предложено прямо определить «остроту» и «глубину» ключевых социальных разделений. В данном случае следует подчеркнуть, что понятие «разделение» используется как максимально нейтральное (без конфликтной и политической окраски) описание линий

разграничений в обществе, включающее в себя и социально-экономические, и социально-культурные аспекты, исключая контекст поляризации и дихотомии. При этом разделения даны в общем виде, исключая исходные формулировки размежеваний. Результаты приведены в табл.

**Восприятие глубины и остроты размежеваний.
Ответ на вопрос «Ощущаете ли вы данное разделение острым и глубоким?»**

Тип размежевания	Острота конфликтности	Глубина конфликтности
Социально-экономическое	+	+
Политическое	+	–
Географическое	–	+
Этническое	–	+
Религиозное	–	–
Урбанистическое (большой город / малый город и деревня)	–	+

Источник: составлено автором по результатам исследования.

**Perception of the depth and acuteness of the divisions.
The answer to the question “Do you feel this separation is acute and deep?”**

Type of division	Acuteness of the division	Depth of the division
Socio-economic	+	+
Political	+	–
Geographical location	–	+
Ethnic	–	+
Religious	–	–
Urban (big city/small town and village)	–	+

Source: compiled by the author based on the results of the study.

И глубоким, и острым респонденты определили социально-экономическое разделение, что подтверждает особую актуальность размежевания «сверхбогатые / остальные». Примечательно, что политическое разделение — из предложенного ряда — определяется как острое, но не глубокое, что может свидетельствовать об интенсивном характере политизации и конфликтности в целом. Вместе с тем респонденты ощущают его ситуативный характер: разделение по линии «либералы / патриоты» и разделение по линии поддержки СВО со временем теряет остроту. Политическое размежевание представляется напряженным в краткосрочном разрезе: *«Оно может вызвать конфронтацию в моменте. Можно поспорить, немножко поругаться. Но во многом оно не влияет на отношения».*

Глубоким, но не острым (то есть не политизированным) разделением респонденты назвали географическое, этническое и урбанистическое, что, с одной стороны, свидетельствует о их долговременном характере и укорененности в социальной структуре российского общества, а с другой — о невысокой текущей конфликтности и отсутствии политического представительства. Фокус-групповые исследования показали необходимость уточнения каналов и характера политизации социальных разделений.

Проекции социально-экономического разделения

Так как социально-экономическое (по уровню доходов) разделение воспринимается молодежной аудиторией как наиболее глубокое и острое, респондентам было предложено описать людей со сверхдоходами. Были названы представители крупного бизнеса — легитимные получатели сверхдоходов, а также нелегитимные — *«те, кто занимаются инфобизнесом», «мошенники», «темзики»², которые непонятно чем занимаются, но что-то зарабатывают*. Богатство и высокие доходы респонденты связывают с политическими и бизнес-элитами; *«<люди> во власти тоже связаны со сверхдоходами», «они, как правило, с бизнесом связаны»*. При этом взаимосвязь власти и собственности, в восприятии молодежи, не содержит негативных коннотаций. Негативный настрой проявляется только в отношении людей, обогащающихся незаконно или способами, воспринимаемыми как мошеннические.

Введение прогрессивной налоговой шкалы большинство респондентов в целом определили как «справедливое». При этом молодежь склонна принимать ситуацию, что социально-экономическое разделение носит универсальный характер.

Результаты массового опроса показали, что 43,4 % опрошиваемых отметили, что скорее согласны с тем, что у сверхбогатых есть обязательство перед другими россиянами, а 37,6 % отметили, что «скорее не согласны». 33,4 % опрошиваемых скорее не согласны с тем утверждением, что элитой в России являются достойные люди, 18,4 % «совершенно не согласны»³ с этим утверждением, в то время как 19,4 и 8,8 % опрошиваемых соответственно «скорее согласны» и «совершенно согласны». Ключевые факторы, которые, по мнению респондентов, объединяют группы «сверхбогатых» и «остальных» россиян — (1) государство, (2) история и (3) культура.

В итоге мы можем сделать вывод, что, несмотря на то, что разделение по социально-экономическому признаку ощущается и острым, и глубоким, крайне аморфными в восприятии молодежи остаются те группы, которые в результате этого разделение формируются. Дискуссия о различиях

² Сленговое определение, обозначающее в современной культуре человека, стремящегося к легкому обогащению с помощью быстрых и нередко нелегальных способов заработка.

³ Здесь и далее даются цифры, полученные по результатам массового опроса студенческой молодежи, онлайн-анкетирования с закрытыми и полукрытыми вопросами, $N = 1696$.

богатых и бедных и попытки определить — кто они? — неминуемо касались смежных сюжетов. В попытках объяснить, как именно выглядит социально-экономическое разделение, респонденты выходили на сюжеты неравномерного развития регионов и политического разделения. Условные обозначения «элиты», «сверхбогатые» воспринимаются зачастую если не тождественными, но синонимичными.

Несмотря на то, что мы не можем говорить о формировании четкой системы идентификации групп внутри социально-экономического разделения и формирования политического представительства данной линии конфликтности, мобилизационный потенциал политизации данного размежевания мы оцениваем как крайне высокий. Налицо запрос на левую повестку и ее адекватное политическое представительство.

Проекция размежевания «мегаполис / город / деревня»

Размежевание по линии «город / деревня» обусловлено наложением укладов и проекцией этого наложения на урбанистические процессы. Вместе с тем разделение «Москва / не Москва» носит иной характер и связано, прежде всего, с неравномерным распределением ресурсов внутри страны, и в том числе властного ресурса. Условно можно сформулировать, что мегаполис, город и деревня являются выражениями традиционного, модернистского и постмодернистского укладов в культурном, социальном и экономическом измерениях. Такие обобщения могут казаться упрощением, но мы исходим из следующих характеристик этих укладов:

- характер локальных коммуникаций, обусловленных плотностью населения;
- доступ к услугам частного и государственного сектора;
- трудовая стратификация в сфере услуг / сфере товарного производства, инновационный бизнес / традиционный бизнес.

Следует отметить, что развитие системы коммуникаций, повышение уровня доступности технологий, широкое распространение федеральных торговых сетей («Магнит», «Пятерочка», Wildberries, Ozon и др.) и расширения сферы государственных услуг во многом сглаживают эти различия. Однако они все еще остаются ощутимыми.

Для оценки параметра идентификации размежевания респондентам был предложен ряд вопросов о различии жителей городов и деревенской местности, больших и малых городов. Респонденты видят эти различия в следующем: 1) отношении к власти, «*жители городов более оппозиционны*»; 2) уровне образования, паттернах поведения; 3) наличии стремления к развитию, активности и амбициозности.

Различия между жителями больших городов и провинции представляются малозначительными. Эти различия проявляются в поведении, экономической активности, по линии «консерватизм — стремление к современности» («*люди из провинции более консервативны*»). При этом респонденты уверены, что

«ценности у людей из городов поменьше более весомые. В крупных городах у людей ценности более приземленные, такие как деньги, карьера и, может быть, семья».

Среди факторов, обуславливающих эти различия, респондентами были названы: 1) плотность населения и социальных связей и связанная с этим степень зависимости от мнения окружающих; 2) наличие инфраструктуры и развитости сферы услуг; 3) плюрализм выбора сценариев самореализации.

В поисках стратегий преодоления размежеваний по линии крупных городов/сельских жителей был предложен вопрос о том, чему представители одной группы могли бы научиться у других. Так, по мнению студентов, житель большого города мог бы научиться у жителя провинции:

- 1) умению ценить малое (41,6 %);
- 2) открытости людям (33,3 %);
- 3) доброте (30,9 %);
- 4) солидарности (20,2 %);
- 5) простой жизни (20,3 %);
- 6) искренности (18,4 %);
- 7) традиционным духовно-нравственным ценностям (18,1 %).

При этом житель провинции может научиться у жителя мегаполиса, согласно мнению опрошенных, следующему:

- 1) открытости новому опыту (44,9 %);
- 2) критическому мышлению (34,5 %);
- 3) гибкости и адаптивности (33,5 %);
- 4) инициативности (31,3 %);
- 5) образованности (25 %);
- 6) динамичному стилю жизни (24,5 %);
- 7) финансовой грамотности (23,6 %).

Важно отметить, что предложенный перечень отражал тот ценностный разрыв, который был предложен в рамках фокус-групповых исследований и следует уже обозначенной логике разделения «традиция — современность» и смежных с ней сюжетов. В целом можно говорить об устоявшихся шаблонах восприятия жителей городских и сельских поселений в обозначенной нами логике наложения укладов.

Примечательно, что при ответе на вопрос «Как Вы считаете, что объединяет людей в больших городах и в провинции?» респонденты также выделили 1) историю (52,5 %), 2) культуру (44,7 %) и 3) государство (39,6 %). В данном случае мы видим единство при ответах на вопрос об объединяющих началах.

Заключение

Историческая сложность российского общества, обусловленная его полисовым характером, а вместе с этим стремительные изменения общественной жизни на глобальном, национальном, региональном, местном и даже личностном уровнях усложняют анализ больших социально-политических процессов.

В условиях исчерпания познавательного потенциала больших универсальных теорий актуальность рассмотрения картины «на расстоянии» не исчезает. Правильным инструментом в руках исследователя может стать теория среднего уровня, в нашем случае — теория социально-политических размежеваний, которая из нормативной и западно-центристской концепции сегодня продолжает развиваться в актуальную исследовательскую рамку. Этим мы во многом обязаны той детальной научной дискуссии, которая сложилась сегодня в отечественной науке.

Рассмотрение всей сложности российского общества через призму данной теории позволяет нам определить ключевые линии социально-политической конфликтности, чей мобилизационный потенциал способен, с одной стороны, «заморозить» политический ландшафт, а с другой — спровоцировать дестабилизирующие политические события. В этом контексте особенно важно обратиться к восприятию молодежью этих процессов.

Особую роль играет восприятие молодым поколением не только самих линий разделения, их характера и динамики развития, но и оснований если не для полного их преодоления, то поиска объединяющих оснований.

Социально-экономическое разделение во всех проекциях ощущается наиболее острым и глубоким, при этом процесс идентификации групп внутри разделений (например, условные «сверхбогатые», «москвичи» и «провинциалы»), несмотря на то что он не закончен, продолжается и находится на разных этапах. Политизация данных размежеваний через понятных агентов конфликта также проходит по смежным и актуальным текущему дискурсу каналам, то есть находится в логике оси «поддержка власти — оппозиция власти». Потенциал политической мобилизации в таком случае оценивается нами как высокий.

Важно отметить, что относительно всех проекций разделений респондентами были выделены следующие основания объединения и сходства — история, культура, государство, то есть цивилизационные основания российской государственности [Мчедлова, Букин 2023], наиболее устойчивые и не менее глубокие, чем рассматриваемые нами разделения.

Поступила в редакцию / Received: 14.10.2024

Доработана после рецензирования / Revised: 01.11.2024

Принята к публикации / Accepted: 30.11.2024

Библиографический список

Ильин М.В., Остапенко Г.И. Размежевания и идентичности в меняющемся ландшафте мировой политики // Полис. Политические исследования. 2024. № 5. С. 46–65. <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.05.04>

Козырева П.М., Смирнов А.И. Особенности и тенденции профессиональной самоидентификации в постсоветской России // Социологический журнал. 2021. № 1. С. 28–51. <http://doi.org/10.19181/socjour.2021.27.1.7843>.

Лунсет М. Политический человек: социальные основания политики. Москва : Мысль, 2016.

- Мелешкина Е.Ю. Концепция социально-политических размежеваний: проблема универсальности // Политическая наука. 2004. № 4. С. 11–29.
- Метаморфозы разделенных обществ / под ред. И.В. Кудряшовой, О.Г. Харитоновой. Москва : МГИМО-Университет, 2020.
- Мчедлова М.М., Букин О.А. Российская цивилизация: цивилизационный подход в политической теории // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25, № 2. С. 445–454. <http://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-2-445-454>.
- Пантин В.И. Цивилизационные особенности развития России в контексте современных социальных трансформаций // Вестник Института социологии. 2021. Т. 12. № 4. С. 108–124. <http://doi.org/10.19181/vis.2021.12.4.754>.
- Семенов И.С. Разделенные общества // Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / отв. ред. И.С. Семенов. Москва : Весь Мир. 2023. С. 27–35.
- Семенов И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Социальные размежевания и политические противостояния в научном дискурсе: критерии оценки и классификации // Полис. Политические исследования. 2021. № 5. С. 56–77. <http://doi.org/10.17976/jpps/2021.05.05>.
- Шлыкова Д.Н. К проблеме социально-политических размежеваний в современной России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25, № 4. С. 974–985. <http://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-4-974-985>.
- Bartolini S. La formation des clivages // *Revue International de Politique Comparée*. 2005. Vol. 12, no. 1. P. 9–34.
- Deegan-Krause K. New Dimensions of Political Cleavage // *Oxford Handbook of Political Science* / ed. by R.J. Dalton, H.-D. Klingemann. Oxford-New York : Oxford University Press, 2006. P. 538–556. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199270125.003.0028>
- Lipset S.M., Rokkan S. Cleavage Structures, Party Systems and Voter Alignments: An Introduction // *Party Systems and Voter Alignments: Cross-national Perspectives* / ed. by S.M. Lipset, S. Rokkan. New York : Free Press, 1967. P. 1–64.
- Marks G., Attewell D., Rovny J., Hooghe L. Cleavage theory // *The Palgrave handbook of EU crises* / ed. by M. Riddervold, J. Trondal, A. Newsom. Palgrave Macmillan, 2021. P. 173–193.
- Römmele A. Cleavage structure and party systems in East and Central Europe // *Cleavages, parties, and voters: Studies from Bulgaria, the Czech Republic, Hungary, Poland, and Romania*. Westport, CT, 1999. P. 3–17.
- Seiler D.-L. Clivages et familles politiques en Europe. Bruxelles : l'Université de Bruxelles, 2009.

References

- Bartolini, S. (2005). La formation des clivages. *Revue International de Politique Comparée*, 12(1), 9–34.
- Deegan-Krause, K. (2006). New dimensions of political cleavage. In R.J. Dalton, & H.-D. Klingemann, *Oxford Handbook of Political Science* (pp. 538–556). Oxford-New York: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199270125.003.0028>
- Kozyreva, P.M., & Smirnov, A.I. (2021). Professional self-identification specifics and trends in Post-Soviet Russia. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*, 27(1), 28–51. (In Russian). <http://doi.org/10.19181/socjour.2021.27.1.7843>.
- Lipset, S.M., & Rokkan, S. (1967). Cleavage structures, party systems and voter alignments: An introduction. In Lipset, S.M., & S. Rokkan. *Party Systems and Voter Alignments: Cross-national Perspectives* (pp. 1–64). New York: Free Press.
- Marks, G., Attewell, D., Rovny, J., & Hooghe, L. (2021). Cleavage theory. In M. Riddervold, J. Trondal & A. Newsom (Eds.), *The Palgrave handbook of EU crises* (pp. 173–193). Palgrave Macmillan.

- Römmele, A. (1999). Cleavage structure and party systems in East and Central Europe. In *Cleavages, parties, and voters: Studies from Bulgaria, the Czech Republic, Hungary, Poland, and Romania* (pp. 3–17). Westport, CT.
- Seiler, D.-L. (2009). *Clivages et familles politiques en Europe*. Bruxelles: l'Université de Bruxelles.
- Shlykova, D.N. (2023). Problem of Socio-Political Cleavages in Modern Russia. *RUDN Journal of Political Science*, 25(4), 974–985. (In Russian). <http://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-4-974-985>.
- Semenenko, I.S., Lapkin, V.V., & Pantin, V.I. (2021). Social cleavages and political divides in a theoretical perspective: Criteria for assessment and classification. *Polis. Political Studies*, 5, 56–77. (In Russian). <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.05.05>
- Meleshkina, E.Yu. (2004). The concept of socio-political divisions: The problem of universality. *Political Science (RU)*, (4), 11–29. (In Russian).
- Semenenko, I.S. (2023). Divided societies. In I.S. Semenenko (Ed.), *Identity: The Individual, Society, and Politics. New Outlines of the Research Field* (pp. 27–35). Moscow: Ves' Mir. (In Russian).
- Ilyin, M.V., & Ostapenko, G.I. (2024). Cleavages and identities in the changing landscape of world politics. *Polis. Political Studies*, 5, 46–65. (In Russian). <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.05.04>
- Pantin, V.I. (2021). Civilizational features of the development of Russia in the context of modern social transformations. *Bulletin of Institute of Sociology*, 12(4), 108-124. <https://doi.org/10.19181/vis.2021.12.4.754>

Сведения об авторе:

Шлыкova Дарья Николаевна — стажер-исследователь кафедры сравнительной политологии, Российский университет дружбы народов (e-mail: shlykova-dn@rudn.ru) (ORCID: 0000-0001-8502-8261)

About the author:

Daria N. Shlykova — Research Intern of the Department of Comparative Politics, RUDN University (e-mail: shlykova-dn@rudn.ru) (ORCID: 0000-0001-8502-8261)